

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(1): 149-158
 DOI: 10.13187/bg.2023.1.149

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Quartering of the Disabled Team in Krasnoyarsk in the 1820s: Microhistorical Analysis

Alexander S. Kovalev ^{a,*}, Nikolai R. Novosel'tsev ^a, Dmitry V. Rakhinsky ^{a,b,c}, Nikita N. Ravochkin ^{d,e}

^a Siberian Federal University, Russian Federation

^b Professor V.F. Voino-Yasenetsky Krasnoyarsk State Medical University, Russian Federation

^c Krasnoyarsk State Agrarian University, Russian Federation

^d Kuzbass State Technical University named after T.F. Gorbachev, Russian Federation

^e Kuzbass State Agricultural Academy, Russian Federation

Abstract

In the Russian Empire from 1764 to 1864 existed disabled teams, which included military personnel who had lost the ability to serve in the military, but were able to perform the functions of maintaining public order in provincial cities. The support of disabled teams was entrusted to the local population. In the article the issues of accommodation and housing for employees of the disabled team in Krasnoyarsk in the first third of the 19th century are considered, using the methods of microhistorical analysis of documents from the State Archives of the Krasnoyarsk Territory, first introduced into the scientific use. The basic rules for the quartering of single and family military invalids from the lower ranks and non-commissioned officers are presented. Also, the features of the fulfillment, as well as the procedure of refusing of housing obligation by the city commoners of Krasnoyarsk are analyzed. The characteristic of the social status of the citizens involved in obligation and released from its performance is provided. The problems of the relationship between the local population and the representatives of the disabled team, located in the apartments of citizens, were studied. Specific examples of both Krasnoyarsk residents repeatedly providing apartments for members of the disabled team and conflict situations that were resolved with different results for their participants are considered. With that in mind, a conclusion was reached about the effectiveness of organizing public charity for war invalids with the involvement of ordinary citizens in providing them with housing in a provincial city.

Keywords: military invalids, disabled team, apartment (residential) obligation, commoners, public charity.

1. Введение

Любые военные действия государства приводят к тому, что одним из возможных печальных последствий участия в них военнослужащих является утрата частью солдат и офицеров здоровья вплоть до получения инвалидности. В этом случае на государство и общество возлагается особая ответственность за полноценное возвращение бывших солдат к мирной жизни и обеспечение возможности восстановления их трудоспособности и приемлемого уровня качества послеармейской жизни. Эта проблема может считаться актуальной для любого этапа исторического развития человечества, любой цивилизации, независимо от причин военного конфликта, порождающего инвалидность.

В современном мире существует много различных социальных программ, направленных на реабилитацию инвалидов боевых действий или инвалидов вследствие военной травмы, которые не

* Corresponding author

E-mail addresses: alexkovaleff@yandex.ru (A.S. Kovalev), NNovoseltsev@sfu-kras.ru (N.R. Novosel'tsev), sirdar@mail.ru (D.V. Rakhinsky), nickravochkin@mail.ru (N.N. Ravochkin)

могут продолжать нести дальнейшую воинскую службу. Среди реабилитационных мер можно назвать пенсионное обеспечение, денежную компенсацию, восстановительное лечение, оказание помощи семьям инвалидов в получении продовольственных наборов, медикаментов и т.п. Получение всех этих видов помощи возможно по той причине, что после демобилизации из армии инвалид войны приобретает особый статус, в соответствии с которым имеет право на помощь государства.

Однако ничего этого, конечно же, не могло существовать на имперском этапе развития нашей страны, когда военная служба фактически была пожизненной и по рекрутской повинности составляла до 25 лет, в связи с чем даже после получения ранения, которое превращало солдата в инвалида, он не возвращался домой, а продолжал служить.

В связи с отсутствием пенсионной системы, нежеланием нести дополнительные расходы, а также представлением о том, что даже после фактической отставки от воинской службы увечный солдат может продолжать приносить пользу, государство перекладывало обязанность призрения военных инвалидов на общество, обязывая размещать военных инвалидов в городах.

С 1760-х по 1860-е гг. в Российской империи существовала категория «военных инвалидов», ставших негодными или ограниченно годными к службе. В 1764 году Екатерина II предписала водворять их на жительство в отдельные города, в которых создавались «инвалидные команды», где они выполняли задачи по несению караульной службы в городе и поддержанию общественного порядка. При этом забота о военнослужащих, получивших увечья во время службы, ложилась на мещан, обязанных, в частности, обеспечить прибывающих в город членов инвалидной команды жильем.

2. Материалы и методы

Основным источником исследования стали не публиковавшиеся ранее материалы Красноярской городской квартирной комиссии Красноярской городской управы, обнаруженные в фондах Государственного архива Красноярского края (Красноярск, Российская Федерация), а именно: журналы входящей и исходящей корреспонденции Красноярской квартирной комиссии; регистры и именные списки Красноярской инвалидной команды; отчеты об обывательских квартирах, назначенных под содержание постояя Красноярской инвалидной команды.

Исследование опирается на микроисторический подход, предполагающий анализ взаимоотношений Красноярской инвалидной команды и жителей Красноярска, выполнявших «постоянную» позицию. Преимущество этого подхода заключается в том, что, подвергая «максимально интенсивному анализу под микроскопом» ту или иную сторону прошлого, он дает «частные ответы» на вопросы, имеющие общее значение (Репина, Селунская, 2022: 327, 335, 340). Именно этим обусловлены интерес современных исследователей к истории «маленького человека» и концентрация внимания на биографии ранее не изученных социальных групп. Помещая «в фокус внимания» отдельный исторический сюжет, микроистория помогает обнаружить значимые характеристики «больших процессов» и устанавливать не замечаемые на макроуровне тенденции. Так, в настоящем исследовании это понимание эффективности социальной помощи в отношении военных инвалидов со стороны общества, которое фактически принуждало к содержанию увечных солдат.

3. Обсуждение

В современной историографии существует ряд публикаций, рассматривающих проблемы становления и развития инвалидных команд. Во-первых, это исследования, в которых вопросы, связанные с деятельностью инвалидных команд в Российской империи и ее отдельных регионах, представлены в публикациях, посвященных истории внутренней стражи. Так, в статье П.А. Колпакова (Колпаков, 2021) отражены организационные основы деятельности инвалидных подразделений в составе внутренней стражи Российской империи. Роль Военного министерства в создании внутренней стражи, место инвалидных подразделений в ее функционировании как органа охраны правопорядка в России в начале XIX века, участие М.Б. Барклая-де-Толли в подготовке нормативных документов, которые регулировали их деятельность, изучены О.В. Харченко (Харченко, 2015). В трудах А.Т. Ташпековой (Ташпекова, 2019, Ташпекова, 2020, Ташпекова, 2022) рассматривается история Саратовской инвалидной команды с 1811 по 1864 гг., в том числе повседневная жизнь инвалидных рот в составе внутренней стражи. С.В. Белоусов (Белоусов, 2022) анализирует функционирование Пензенского внутреннего губернского батальона, в том числе отмечает особенности размещения военнослужащих по обывательским квартирам и примеры взаимоотношений между военнослужащими губернского батальона и гражданским населением. Упоминают о роли инвалидных команд в заботе об увечных военнослужащих в своем историческом обзоре обеспечения ветеранов в Российской армии в имперский период С.В. Постников и О.А. Постникова. Особенно важным стоит считать их замечание, что государство в этот период практически самоустранилось от решения социальных проблем нуждающихся (Постников, Постникова, 2022).

Во-вторых, это работы, в целом характеризующие процесс возникновения и дальнейшего функционирования инвалидных команд. Здесь прежде всего стоит выделить работу Д.Г. Хаярова, который рассматривает организацию инвалидных команд при Петре I и Екатерине II. В частности, он

пишет о том, что именно в правление императрицы «начинается отправка отставников “в выгодные места” на поселение с наделением их жильем и деньгами», что каждому инвалиду военное руководство назначало населенный пункт, где тот должен был проживать – «так в русских городах образовались инвалидные команды» (Хаяров, 2020). Г.В. Барина в своей публикации говорит о том, что «Павел I поставил на поток организацию инвалидных команд», подробно рассматривает указ от 27 марта 1811 г. «Об устройстве инвалидных рот и команд и составлении из них подвижных инвалидных рот и служащих инвалидных команд», согласно которому солдаты из инвалидных рот должны жить «на квартирах, но с обязательством в течение трех лет переселиться на отведенные им земли (под постройку дома из казны одновременно выделяли 50 рублей)» (Барина, 2015).

Третья группа публикаций охватывает непосредственно деятельность конкретных инвалидных команд в XIX веке. Так, Е.А. Орехова изучила состав Кольской инвалидной команды в середине XIX в. Она отметила, что в первой половине XIX в. к военному ведомству относились не только действующие, но и отставные военнослужащие, которые «по старости лет, слабости здоровья и по другим причинам не могут сносить труды пропитания» (Орехова, 2021). Именно их зачисляли в инвалидные команды, которые являлись регулярными воинскими подразделениями и формировались в основном за счет увечных нижних чинов, которые несли «инвалидную службу». С.А. Игонькин, рассматривая функционирование Арзамасской инвалидной команды в первой трети XIX в., отмечает, что «инвалидные команды являлись структурами призрения отставных и увечных солдат, позволяя заслуженным воинам и их семьям получать кров и пропитание пожизненно, находясь при воинских частях» (Игонькин, 2020). Он утверждает, что подобная традиция призрения военных инвалидов в России была малоэффективной, но все же во многом способствовала социальной адаптации увечных солдат после военной службы.

Наконец, к четвертой группе публикаций следует отнести немногочисленные работы, освещающие повседневность инвалидных команд в Сибири. Например, М.Ю. Кузнецов (Кузнецов, 2018) подробно рассказывает о том, что в Сибири в первой трети XIX века существовали три инвалидные команды (две в Тобольске и одна в Иркутске), а еще семь подвижных инвалидных рот – Нижнеудинскую, Киренскую, Енисейскую, Красноярскую, Якутскую, Верхнеудинскую Нерчинскую – приписали к сибирским крепостям. Инвалидные команды и подвижные инвалидные роты в Сибири были организованы за счет расформированной Иркутской губернской роты. Однако в 1823 г. в Енисейской губернии из расформированной в Нарыме инвалидной команды и инвалидных команд Тобольской и Томской губерний был создан Красноярский гарнизонный батальон с подчинением ему Ачинской, Канской и Минусинской уездных инвалидных команд. Также автор указывает, что только в Красноярске была создана единственная команда «неспособных» инвалидов. По болезни или из-за ранения они не могли нести службу и просто доживали в городах. Интерес представляет описание членов инвалидной команды, занимавшейся конвоированием арестантов. Со ссылкой на Н.М. Ядринцева автор пишет: «Это была обыкновенная инвалидная команда, имеющая самый жалкий вид. Обдерганные шинели, оборванные лацканы, худенькие, бракованные, скользящие с бедра португепи, старые, дребезжащие ружья» (М.Ю. Кузнецов, 2018).

Н.А. Кузнецов повествует о Кузнецкой крепости, где располагалась инвалидная команда Бийского гарнизонного батальона, состоявшая из 780 человек. Он подробно описывает условия проживания военнослужащих инвалидной команды: «Штаб-офицерский дом занимает плац-майор, а вторая половина дома отведена под канцелярию. Встроенный в казарму на валу штаб- и обер-офицерский дом занимают одну половину комендант (подполковник от артиллерии), а другую инвалидной команды майор. Обер-офицерский дом занимают Бийского гарнизонного батальона обер-офицеры» (Н.А. Кузнецов, 2003).

Как видно из представленного выше обзора, степень изученности самих инвалидных подразделений является довольно высокой, однако практически вне поля зрения исследователей остались вопросы расквартирования инвалидных команд. Данная статья представляет собой попытку подробного анализа этого процесса на примере расквартирования инвалидной команды в Красноярске в 1820-х гг.

4. Результаты

С.А. Игонькин справедливо отмечает, что очень скоро после появления инвалидных команд «стало понятно, что выделить казенные деньги на постройку домов – большая проблема. Финансов все время не хватало» (Игонькин, 2020: 66), поэтому вопросы о размещении инвалидной команды возлагались на городские квартирные комиссии, которые распределяли служащих в инвалидных командах на постой к городским жителям, обязанным нести «постоянную» (квартирную) повинность.

Е.А. Орехова также указывает, что инвалидная команда обычно не располагала собственными казармами и «личный состав размещался на обывательских квартирах», где, например, «семейные военнослужащие имели право размещать своих жен и детей (сыновей до 14 лет, дочерей – до замужества)» (Орехова, 2021: 182).

Военнослужащих Красноярской инвалидной команды устраивали на содержание и постой на срок до 6 месяцев. Нижние чины селились в квартирах мещан, начальник инвалидной команды – на

квартире у представителей купеческого сословия, причем начальника размещали на постой вместе с имеющейся при нем канцелярией, то есть он занимал 2–3 комнаты. Инвалидную команду и отдельных инвалидов определяли на квартиры «до особого распоряжения», то есть, по всей видимости, горожане сами должны были написать в квартирную комиссию, чтобы их постояльцев перевели на другую квартиру, после чего это самое особое распоряжение и следовало (ГАКК. Ф. 224. Оп. 1. Д. 3. Л. 31об., 33).

Красноярский городничий сазу же предложил Красноярской квартирной комиссии решить вопрос об отводе квартиры для инвалидной команды. В качестве таковой он предлагал рассмотреть большой дом, принадлежавший Красноярской городской думе. Однако командир Красноярского гарнизонного батальона майор Афанасьев потребовал этот дом передать для батальонной гауптвахты, а вместо него назначить для постояя дом, отобранный у некоего крестьянина Григория Кручинкина.

Квартирная комиссия против этого не возражала, однако спустя некоторое время унтер-офицер Красноярской инвалидной команды Данила Обжорин обратился в квартирную комиссию, заявив, что «в назначенной комиссией квартире... в доме крестьянина Кручинкина никак невозможно... помещаться, потому что печь ветхая, поврежденные оконные рамы все изломались», и просил «печь в означенном доме поправить и сделать окна стеклянные. А до тех пор отвести для команды обывательскую квартиру на время» (ГАКК. Ф. 224. Оп. 1. Д. 3. Л. 4-5).

Квартирная комиссия распорядилась просьбу удовлетворить и поместила инвалидную команду в обывательскую квартиру в доме красноярского мещанина, еврея Ильи Серебрякова, о чем ему было выдано соответствующее предписание. Впрочем, уже через год, в конце декабря 1829 г., начальник инвалидной команды снова писал в Красноярскую квартирную комиссию, что «отведенный Красноярской инвалидной команде для нижних чинов дом по нынешнему холодному времени уже [не годен для проживания]: окна и двери худые, также очень мало места, негде поместиться» (ГАКК. Ф. 224. Оп. 1. Д. 3. Л. 223), и просил отвести рядовым несемейным инвалидам новое помещение.

Прошения об отводе жилья офицерам или семейным инвалидам подавал лично командир Красноярской инвалидной команды прапорщик Леонтьев. Он выяснял, чья очередь из городских обывателей принимать у себя инвалида из его команды и обращался в квартирную комиссию. Например, после прибытия в Красноярск штабс-капитана Васильева и прапорщика Быбина с семейством командир определил, что «оказалось на очереди содержать постой дом... мещанина Худоногова... и мещанина Ивана Васильева Горбунова» (ГАКК. Ф. 224. Оп. 1. Д. 3. Л. 8об.-10), о чем горожанам квартирной комиссией был выдан соответствующий билет.

А вот при отведении жилья для нижних чинов возникало немало трудностей. Так, 10 апреля 1828 г. прапорщик Леонтьев обращается с просьбой отпустить квартиры для новичков, потому что прошло полгода, а квартиры они так и не получили. Оказалось, что на очереди никого нет, кто мог бы взять их к себе на постой, поэтому квартирная комиссия распорядилась: «мещан по очереди расположить с настоящей уравнильностью» и решить вопрос до 1 мая (ГАКК. Ф. 224. Оп. 1. Д. 3. Л. 11).

Впрочем, проблемы с размещением были не только у нижних чинов, но даже у самого начальника инвалидной команды. В мае 1829 г. он обратился с жалобой к Красноярскому городничему, в которой рассказал о том, что ему была отведена квартира у купца Берковича, но когда он попытался в нее вселиться, то оказалось, что «стены кругом были зачернены и печки поломаны». Беркович пообещал отремонтировать квартиру, но в ходе ремонта одна большая комната была поделена на две маленьких, где начальнику инвалидной команды оказалось невозможно разместиться вместе с канцелярией. Когда он высказал свое неудовольствие хозяину дома, тот и вовсе решил отказаться от предоставления постоя. «Затем остаюсь не отведенною квартирой», – писал прапорщик Леонтьев. И призывал «приказать, чтобы тот Беркович дал место под канцелярию, комнату или другую мне квартиру» (ГАКК. Ф. 224. Оп. 1. Д. 2. Л. 1, 126; Д. 3. Л. 142-143).

Городничий переслал жалобу начальника инвалидной команды в квартирную комиссию, откуда ответили, что вызвали Берковича и тот поведал, что ему было дано право самому определять, какие комнаты выделять для постоя: «Он отделил переднюю. Дом его – большой покой с прихожей и небольшим кабинетом и внизу под оным также жилые покои. Он считает, что этого вполне довольно и с канцелярией». Также от самой квартирной комиссии начальнику инвалидной команды было сделано дополнение, что, согласно текущему законодательству, «неженатому обер-офицеру должно отводить один покой, а прислуга должна помещаться с хозяйскою» (ГАКК. Ф. 224. Оп. 1. Д. 3. Л. 144-144об.). Так вопрос разрешился в пользу купца Берковича, и прапорщик Леонтьев был обязан занять те комнаты, которые были ему отведены городским обывателем.

Согласно именному списку в Красноярскую инвалидную команду весной 1829 г. входили 2 старших унтер-офицера (один был женат и имел ребенка), 11 младших унтер-офицеров – из них 6 человек состояли в браке, у двоих были дети, и у каждого из этих офицеров был собственный дом. Отдельно числился барабанщик (женатый, без детей), остальной состав включал 56 рядовых. 13 из них были женаты, у трех было по трое детей, еще два человека воспитывали двух сыновей, еще два человека имели по одному ребенку. Только у пятерых семейных был свой собственный дом. Также в команде числились прикомандированные из других команд 3 унтер-офицера (один женатый) и 5 холостых рядовых (ГАКК. Ф. 224. Оп. 1. Д. 3. Л. 121-121об., 128-128об.).

Сами городские обыватели далеко не всегда относились с пониманием к проблемам инвалидов и их размещению. Они и сами писали прошения в Красноярскую квартирную комиссию сразу же, как только подходил к концу очередной 6-месячный срок, а то и позже, когда инвалиды задерживались у них на квартирах, чтобы их перевели на другую квартиру. Тот же Илья Серебряков просил, чтобы от него перевели инвалида «к другому по очереди», некоему Моисею Лейбовичу. Однако и Лейбович пожаловался в квартирную комиссию, что «по старости своих лет и по неимению зрения и бедственному положению не имеет возможности содержать оную сборную команду», просил «избавить его от содержания» и перевести инвалида на другую квартиру. Его просьба была удовлетворена, и в результате инвалид оказался в квартире в доме малолетнего купецкого сына Павла Попова, о чем был выдан билет состоящему при нем опекуном купцу Степану Яковлеву (ГАКК. Ф. 224. Оп. 1. Д. 3. Л. 170б.-200б.).

Бывало и так, что, формально соглашаясь принять к себе на постой инвалида, горожанин «тихо бунтовал» против постоянной повинности и «мстил» тем, что отказывал жильцу в каких-либо мелочах. Красноярская квартирная комиссия регулярно рассматривала подобные дела, например, о «не даче освещения помещанином Иваном Воренковым прапорщику Быбину и его семье». Все увещевания горожанин пропускал мимо ушей, и только после вызова в присутствие согласился «поделиться освещением» (ГАКК. Ф. 224. Оп. 1. Д. 3. Л. 260б.).

Согласно регистру Красноярской квартирной комиссии, составленному в мае 1829 г. (ГАКК. Ф. 224. Оп. 1. Д. 3. Л. 123-1230б., 127, 130, 135), 67 горожан были привлечены к содержанию постоев Красноярской инвалидной команды. Из них 62 человека предоставляли «обывательские квартиры» нижним чинам, 5 квартир были выделены для постоянного содержания офицеров, 5 квартир были предназначены для «единичных» временных постоев, еще 4 квартиры были «прибавочными», где размещали командированных.

Из 62 горожан, подверженных постоянной повинности, 52 чел. были мужчинами, 10 – женщинами, по социальному составу: 32 чел. – мещане, 9 – мещанские, крестьянские, купеческие вдовы, 4 – находившиеся на государственном обеспечении, 3 – крестьяне, 2 – поселенцы, 2 – отставные солдаты, 1 – ясашный.

Только один мещанин Прокопий Ширяев 3 раза в течение 1,5 лет обеспечивал квартирой одного и того же постояльца с его семейством и, похоже, был не против подобного соседства. 14 человек дважды предоставляли квартиру для постоя: в 3 случаях – младшим унтер-офицерам, 2 раза – рядовым с семьей, все остальные постой – одиноким рядовым. 36 размещений были по 1 разу, в том числе 4 постоя для младших унтер-офицеров с семьей, 3 – для холостых унтер-офицеров, 3 – для рядовых с семейством. Интересно, что еще две квартиры, предназначенные для размещения инвалидной команды, так и остались пустующими.

16 июня 1828 г. вышел императорский указ, в котором рассматривался вопрос о том, «можно ли гражданским чиновникам быть уволенными от постоя». На него был дан следующий ответ: постоянная повинность, как и прочие городские повинности, «без всякого изъятия распространена вообще на всех городских обывателей». Далее уточнялось, что, несмотря на указанное в законе о городском самоуправлении положение о том, что «в военной или гражданской службе находящиеся люди, кои по должности или по собственным нуждам в городе находятся и мещанским промыслом не промышленяют, должны быть свободны от мещанских тугостей, податей и службы», там не говорится о том, что они освобождаются от постоя. При подтверждении «дворянского достоинства благородные освобождаются от личных податей и службы», но в то же время «повелено, что дворяне, кои имеет свои дома, или сады, или землю, или места, должны нести гражданские тягости». Поэтому все, у кого была городская собственность, должны быть подвергнуты общим городским повинностям, в том числе «квартирной повинности... в уважение службы, инвалидами несомой» (ГАКК. Ф. 224. Оп. 1. Д. 2. Л. 194-1940б., 274).

Кроме того, для инвалидов предполагалось отвести в городах места для построения домов и «выдача на то из казны каждому по 50 руб.», для чего предполагалось, помимо постоянной повинности, ввести нечто вроде «сбора на инвалидов», однако сведения о том, был ли он реализован, пока обнаружить не удалось.

В указе было отдельно оговорено, что «увольняются от постоя дома бедных обывателей, в которых не более одного жилого покоя», а потому любые лица, в том числе чиновники и канцелярские служители, чьи жилищные условия соответствовали этому требованию, могли быть освобождены от постоя.

Кстати, оговаривалась даже такая перспектива, что инвалиды, получившие возможность построить дом, «если улучшат впоследствии свои дома и будут через отдачу внаймы получать от них значительный доход, в таком случае те покои, в коих они сами не живут, должны быть подвергнуты повинностям наравне с прочими обывателями». Например, когда унтер-офицер из инвалидной команды Данила Обжорин обзавелся собственным домом, спустя какое-то время к нему на постой определили четырех постояльцев из числа инвалидов. К тому же отныне Губернское правление должно было предоставлять в Министерство внутренних дел всякий раз «объяснение, по которому должно быть понятно, почему освобождены от постоя те или иные лица».

Похоже, что до июня 1828 г. чиновники и служащие, равно как и представители дворянского сословия, участия в расквартировании инвалидной команды не принимали, однако регистр Красноярской квартирной комиссии в октябре 1828 г. уже обнаруживает и у представителей этих групп населения обывательские квартиры, назначенные под содержание постоев Красноярской инвалидной команды нижних чинов.

Всего постоянной повинности были подвержены 46 городских обывателей, имевших военные и гражданские чины согласно «Табели о рангах», среди которых постой предоставляли 29 (28) мужчин и 17 (18) женщин. Подробные сведения о них представлены в [Таблице 1](#).

Таблица 1. Распределение городских обывателей, подверженных квартирной повинности, в Красноярске в 1928 г. (ГАКК. Ф. 224. Оп. 1. Д. 2. Л. 216-217)

Чин	Количество лиц, подлежащих постоянной повинности	Число постоев
Коллежский советник	1	3
Надворный советник	2	8
Надворная советница	4	10
Жена/вдова капитана	1	4
Коллежский асессор	2	5
Жена/вдова штабс-капитана	1	3
Титулярный советник	5	9
Титулярная советница	5	10
Жена/вдова поручика	1	2
Коллежский секретарь	8	20
Коллежская секретарша	1	3
Наследники коллежского секретаря	1	3
Губернский секретарь	5	8
Губернская секретарша	1	3
Кабинетский регистратор	1	1
Коллежский регистратор	3	6
Коллежская регистраторша	1	3
Лица, не имевшие чинов, или чин неизвестен	3	6
Всего	46	107

Как видно из [Таблицы 1](#), 11 человек, подверженных постоянной повинности в отношении нижних чинов инвалидной команды, принадлежали к VI–VIII классам, 32 чел. – к IX–XIV классам, еще 3 чел. чина не имели (чин неизвестен).

В среднем на одного человека приходилось 2 постоа в год (каждый – по полгода), в отдельных случаях на 1 человека приходилось 3 или больше – один из надворных советников предоставлял квартиру для постоа 5 раз.

Чаще всего в Красноярске постоянной повинности были подвержены лица и их родственники, имевшие чин коллежского секретаря (24,3 % постоев), титулярного советника (17,7 %), надворного советника (16,8 %).

Всего в регистре было указано 125 постоев, однако, как видно из таблицы, на самом деле их насчитывалось всего 107. Либо это ошибка письмоводителя при подсчетах, либо оставшиеся 18 постоев приходились на тех, кто был освобожден от квартирной повинности. Всего таких было выявлено 4 человека: статский советник, надворная советница и две титулярные советницы ([ГАКК. Ф. 224. Оп. 1. Д. 2. Л. 223-224](#)).

В октябре 1828 г. Указом Правительствующего сената от постоа были избавлены дома учителей гимназии и уездных училищ. Министр духовных дел и народного просвещения Голицын долгое время ходатайствовал о распространении этой льготы и на учителей приходских школ. В конечном счете постановление предоставило такую возможность всем учителям, но только если они проживали в своем доме, «составляя один двор». Если же они «сдавали помещения в найм или не живут в помещениях» (есть комнаты, в которых они постоянно не проживают), то на них также распространялась постоянная повинность, независимо от учительского статуса ([ГАКК. Ф. 224. Оп. 1. Д. 2. Л. 228](#)).

Надо сказать, что проживание семейства, обязанного выполнять постоянную повинность, под одной крышей со служащим инвалидной команды порой приводило к довольно пикантным последствиям. Так, широкую огласку в Красноярске получило дело о взыскании денег со священника Меркурьева в пользу прапорщика инвалидной команды Я.П. Скварского ([ГАКК. Ф. 812. Оп. 1. Д. 716. Л. 1-16](#)). Проживая в доме у священника Афанасия Меркурьева, 42-летний Скварский посватался к его 18-летней дочери Глафире.

Сам он служил в инвалидной команде Томского гарнизонного батальона, а в Красноярск был командирован, чтобы «вести присмотр и обучение рекрутов». Посватавшись к дочери священника, прапорщик при «просватании» сделал Глафире подарок 125 руб. ассигнациями и «сверх того в разные посещения невесты» давал ей то 40, то 50 руб., подарил золотые серьги и «сделал разных издержек как на фруктовые закуски и напитки на 45 руб. и потом отправил еще 10 руб., итого потратил «издержками» 270 руб.». В ходе сватовства прапорщик и священник условились, что Скварский возьмет его дочь замуж. Однако после прапорщика отправили обратно в Томск с рекрутами, где с ним случился припадок, и он не мог выехать обратно в Красноярск, а вернулся в город только через год и узнал, что Глафира Меркурьева вышла замуж за другого. Скварский потребовал возместить ему ущерб.

При разбирательстве дела в Тобольской духовной консистории священник Меркурьев дал объяснение и сообщил, что прапорщик при «просватании» обманул их с дочерью, сообщив, что ему 33 года. Скварский действительно делал подарки, однако после каждого такого дарения, заявил священник, его дочь делала ответный подарок – то бархатную жилетку стоимостью 20 руб., то бархатную материю на сумму 15 руб., то полотняный платок на сумму 4 руб., «что же касается угощения гостей фруктами и напитками, то Скварский в этом участия не принимал» и сам Меркурьев потратил на угощение 80 руб.

Священник пояснил, что, когда все сроки прошли, а Скварский не появился, он «испытал обиду», и они с дочерью решили, что их обманули. Тогда он попросил оценить серьги, подаренные прапорщиком, и выяснил, что они не золотые, а с примесью меди. А в довершении всего от руководства инвалидной команды он узнал, что несостоявшемуся жениху на самом деле 43 года, и выступил против неравного брака.

Тобольская духовная консистория рассмотрела дело и приняла решение в пользу Меркурьева, поскольку прапорщик инвалидной команды вовремя не явился, а значит, не выполнил условия соглашения, а Меркурьев потратил средств больше, чем Скварский. В результате разбирательства священник, естественно, отказал инвалиду и в предоставлении жилья, а тот, надо сказать, все равно остался на постоянном проживании в Красноярске.

Вся эта история дает ключи к пониманию нескольких важных вопросов, связанных с расквартированием служащих инвалидной команды. Во-первых, останавливаясь на выделенной ему квартире, инвалид вполне мог стать «частью» семьи, рядом с которой он проживал. Сведений о том, были ли в Красноярске еще подобные случаи, нет, но можно предположить, что любой инвалид, проживая рядом с незамужней девицей, в силу физической и социальной потребностей попытался бы создать семью.

Во-вторых, отца семейства статус инвалида не смущал, его больше беспокоила перспектива неравного брака, отсутствия самого жениха и его материальных возможностей. В то же время Тобольская духовная консистория фактически отказала инвалиду в праве считаться больным, решив дело не в его пользу именно по причине того, что он не явился в назначенный срок. Припадок, который можно было бы считать уважительной причиной отсутствия Скварского в Красноярске, таковым не являлся.

Наконец, изменение личного отношения того, кто выполнял квартирную повинность, могло стать причиной отказа в предоставлении жилья конкретному постояльцу. вполне вероятно, что священник Меркурьев, желая пристроить свою дочь, быстро выдал ее замуж еще и потому, чтобы больше членов инвалидной команды к нему не селили.

5. Заключение

Итак, подводя итоги, следует в первую очередь отметить, что государство в первой трети XIX в., не имея ни желания, ни ресурсов для полноценного обеспечения военных инвалидов, переложило ответственность за их содержание и устройство в мирной жизни на население городов, куда были определены представители инвалидных команд. Однако, несмотря на то, что такие инвалиды выполняли многочисленные важные общественные функции, большая часть горожан к возложенной на них обязанности содержать членов инвалидной команды относилась недостаточно ответственно.

Подобная практика размещения и содержания нетрудоспособных солдат, по идее, должна сформировать представление о том, что общественное призвание было эффективной моделью социальной помощи в XIX веке. Однако реальное положение дел было далеко от идеалистических представлений сторонников этой модели и невмешательства государства в решение социальных проблем, что довольно четко прослеживается именно при рассмотрении вопроса о расквартировании инвалидной команды.

Ситуация была такова, что военный инвалид – член команды, оказавшись в чужом городе, не имея семьи, фактически весь оставшийся срок службы должен был каждые полгода перемещаться с одного места на другое. Можно лишь попытаться представить, насколько это было для него тяжело, когда всякий раз после того, как он привыкал к новому месту жительства, к людям, которые проживали рядом, спустя шесть месяцев ему приходилось заново обустраиваться и устанавливать новые социальные контакты.

Можно легко представить себе и тех, кто исполнял квартирную (постоянную) повинность: каждые полгода адаптироваться к новому жильцу. Эту проблему для обеих сторон можно было бы решить

предоставлением постоянного места жительства для конкретного инвалида на жилой площади человека, несущего повинность, однако такое решение почему-то принято не было. Вероятно, это было связано с тем, что сами горожане не испытывали сколь-нибудь положительных чувств к инвалидам – они не были заинтересованы в длительном выполнении квартирной повинности, а потому старались предоставлять помещение для проживания инвалидам как можно реже.

Нельзя не отметить тех из городских обывателей, кто нес эту повинность с достоинством, многократно предоставляя жилые комнаты для искалеченных вчерашних солдат. И все же отношение горожан к выполнению постоянной повинности демонстрирует отсутствие реальных механизмов социальной солидарности в обществе XIX века, из-за чего оценить в полной мере степень участия городского населения Красноярска в обеспечении представителей инвалидной команды жильем затруднительно. Микроисторический анализ показал, что, как это обычно бывает, решение проблем расквартирования служащих инвалидной команды отличалось в каждом конкретном случае как со стороны самих инвалидов, так и тех, кто это жилье предоставлял.

Литература

Барина, 2015 – Барина Г.В. Должны служить пожизненным и тихим для раненых воинов пристанищем // *Военно-исторический журнал*. 2015. № 9. С. 55-60.

Белюсов, 2022 – Белюсов С.В. Формирование Пензенского внутреннего губернского батальона // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки*. 2022. № 3(63). С. 83-98.

ГАКК – Государственный архив Красноярского края.

Игонькин, 2020 – Игонькин С.А. Арзамасская инвалидная команда в первой трети XIX века / Вопросы исторического и экологического регионоведения. Арзамас, 2020. С. 65-68.

Колпаков, 2021 – Колпаков П.А. Внутренняя стража Российской империи: причины создания и развитие полицейских войск в структуре военного ведомства 1811–1864 гг. / Государственный аппарат управления в империи Романовых: эффективность деятельности властных структур и бюрократии. Уфа, 2021. С. 156-159.

Кузнецов, 2003 – Кузнецов Н.А. Войсковые части, квартировавшие в Кузнецке в XVII–XIX вв. // *Кузнецкая старина*. Новокузнецк, 2003. Вып. 5. С. 108-139.

Кузнецов, 2018 – Кузнецов М.Ю. Внутренняя стража в Восточной Сибири в 1816–1864 годах // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2018. № 4(34). С. 156-162.

Орехова, 2021 – Орехова Е.А. Состав Кольской инвалидной команды накануне и в период Крымской войны (по материалам духовных росписей Кольского Воскресенского собора 1850–1854 годов) / Россия в войнах: слава российского оружия в памяти поколений. Стерлитамак, 2021. С. 178-185.

Постников, Постникова, 2022 – Постников С.В., Постникова О.А. «Никто больше призрения не заслуживает, как болящей солдат». Социальное обеспечение ветеранов в Российской армии до 1917 года // *Военно-исторический журнал*. 2022. № 8. С. 100-119.

Репина, Селунская, 2020 – Репина Л.П., Селунская Н.А. «Общие вопросы» и «частные ответы»: непрочитанные страницы Джованни Леви // Диалог со временем. 2020. Вып. 73. С. 323-342.

Ташпекова, 2019 – Ташпекова А.Т. Из истории Саратовской инвалидной команды // Первый командир Отдельного корпуса внутренней стражи России – генерал от инфантерии Е.Ф. Комаровский (к 250-летию со дня рождения Е.Ф. Комаровского): Сборник материалов межвузовской научно-практической конференции. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский военный институт войск национальной гвардии Российской Федерации, 2019. С. 67-71.

Ташпекова, 2020 – Ташпекова А.Т. Деятельность Саратовского батальона внутренней стражи в 1811–1816 годах / *Актуальные проблемы военных и социальных наук: Межвузовская научно-практическая конференция*. Саратов, 2020. С. 83-86.

Ташпекова, 2022 – Ташпекова А.Т. Проблемы укрепления воинской дисциплины в батальоне внутренней стражи в Саратовской губернии // *Академический вестник войск национальной гвардии Российской Федерации*. 2022. № 1. С. 52-58.

Харченко, 2015 – Харченко О.В. О роли военного министерства в создании внутренней стражи как органа охраны правопорядка в России в начале XIX века // *Мир юридической науки*. 2015. № 1–2. С. 9-14.

Хаяров, 2020 – Хаяров Д.Г. Инвалиды в Российской империи в XVIII веке – военно-исторический аспект // *Интерэкспо Гео-Сибирь*. 2020. № 5. С. 104-111.

References

Barinova, 2015 – Barinova, G.V. (2015). Dolzhny sluzhit' pozhiznennym i tihim dlja ranenyyh voynov pristanishhem [Should serve as a lifelong and quiet haven for wounded soldiers]. *Voенno-istoricheskij zhurnal*. 9: 55-60. [in Russian]

Belousov, 2022 – Belousov, S.V. (2022). Formirovanie Penzenskogo vnutrennego gubernskogo batal'ona [Formation of the Penza Inner provincial battalion]. *Izvestija vysshih uchebnyh zavedenij. Povolzhskij region. Gumanitarnye nauki. Humanities*. 3(63): 83-98 [in Russian]

ГАКК – Gosudarstvennyi arkhiv Krasnoyarskogo kraja [State Archive of Krasnoyarsk Region].

Igonkin, 2020 – Igonkin, S.A. (2020). Arzamasskaja invalidnaja komanda v pervoj treti XIX veka [Arzamas disabled team in the first third of the XIX century]. *Voprosy istoricheskogo i jekologicheskogo regionovedenija*. Arzamas, pp. 65-68 [in Russian]

Kolpakov, 2021 – Kolpakov, P.A. (2021). Vnutrennjaja strazha Rossijskoj imperii: prichiny sozdaniya i razvitie policejskih vojsk v strukture voennogo vedomstva 1811–1864 gg. [The Internal Guard of the Russian Empire: the reasons for the creation and development of police troops in the structure of the military leadership of 1811-1864]. *Gosudarstvennyj apparat upravlenija v imperii Romano-vykh: jeffektivnost' dejatel'nosti vlastnyh struktur i bjurokratii*. Ufa, pp. 156-159. [in Russian]

Kuznetsov, 2003 – Kuznetsov, N.A. (2003). Vojskovye chasti, kvartirovavshie v Kuz-necke v XVII-XIX vv. [Military units quartered in Kuznetsk in the XVII-XIX centuries]. *Kuzneckaja starina*. Novokuznetsk. Is. 5. Pp. 108-139. [in Russian]

Kuznetsov, 2018 – Kuznetsov, M.Yu. (2018). Vnutrennjaja strazha v Vostochnoj Sibiri v 1816-1864 godah [Internal guards in Eastern Siberia in 1816-1864]. *Problemy social'no-jekonomicheskogo razvitiya Sibiri*. 4(34): 156-162. [in Russian]

Orekhova, 2021 – Orekhova, E.A. (2021). Sostav Kol'skoj invalidnoj komandy nakanune i v period Krymskoj vojny (po materialam duhovnyh rospisej Kol'skogo Voskresenskogo sobora 1850-1854 godov) [The composition of the Kola disabled team on the eve and during the Crimean War (based on the materials of the spiritual murals of the Kola Resurrection Cathedral of 1850-1854)]. *Rossija v vojnah: slava rossijskogo oruzhija v pamjati pokolenij*. Sterlitamak, pp. 178-185. [in Russian]

Postnikov, Postnikova, 2022 – Postnikov, S.V., Postnikova, O.A. (2022). «Nikto bol'she prizrenija ne zasluživaet, kak boljashhej soldat». Social'noe obespechenie veteranov v Rossijskoj armii do 1917 goda ["No one deserves more charity than a sick soldier." Social security of veterans in the Russian Army before 1917]. *Voенно-istoricheskij zhurnal*. 8: 100-119. [in Russian]

Repina, Selunskaya, 2020 – Repina, L.P., Selunskaya, N.A. (2020). «Obschie voprosy» i «chastnye otvety»: neprochitannye stranicy Dzhovanni Levi ["General questions" and "private answers": unread pages by Giovanni Levi]. *Dialog so vremenem*. 7: 323-342. [in Russian]

Tashpekova, 2019 – Tashpekova, A.T. (2019). Iz istorii Saratovskoj invalidnoj komandy [From the history of the Saratov disabled team]. *Pervyj komandir Otdel'nogo korpusa vnutrennej strazhi Rossii – general ot infanterii E.F. Komarovskij (k 250-letiju so dnja rozhdenija E.F. Komarovskogo): sbornik materialov mezhvuzovskoj nauchno-prakticheskoj kon-ferencii*. St. Petersburg, pp. 67-71 [in Russian]

Tashpekova, 2020 – Tashpekova, A.T. (2020). Dejatel'nost' Saratovskogo batal'ona vnutrennej strazhi v 1811–1816 godah [Activity of the Saratov battalion of the internal Guard in 1811-1816]. *Aktual'nye problemy voennyh i soci-al'nyh nauk: Mezhvuzovskaja nauchno-prakticheskaja konferencija*. Saratov, pp. 83-86. [in Russian]

Tashpekova, 2022 – Tashpekova, A.T. (2022). Problemy ukreplenija voinskoj dis-cipliny v batal'one vnutrennej strazhi v Saratovskoj gubernii [Problems of strengthening military discipline in the internal guard battalion in the Saratov province]. *Akademicheskij vestnik vojsk nacional'noj gvardii Rossijskoj Federacii*. 1: 52-58. [in Russian]

Kharchenko, 2015 – Kharchenko, O.V. (2015). O roli voennogo ministerstva v sozda-nii vnutrennej strazhi kak organa ohrany pravoporjadka v Rossii v nachale XIX veka [On the role of the Ministry of War in the creation of the Internal Guard as a law enforcement body in Russia at the beginning of the nineteenth century]. *Mir juridicheskoi nauki*. 1-2: 9-14. [in Russian]

Khayarov, 2020 – Khayarov, D.G. (2020). Invalidy v Rossijskoj imperii v XVIII veke – voенно-istoricheskij aspekt [Invalids in the Russian Empire in the XVIII century – military-historical aspect]. *Interjeksno Geo-Sibir'*. 5: 104-111. [in Russian]

Расквартирование инвалидной команды в Красноярске в 1820-х гг.: опыт микроисторического анализа

Александр Сергеевич Ковалев ^{a, *}, Николай Рзавич Новосельцев ^a,
Дмитрий Владимирович Рахинский ^{a, b, c}, Никита Николаевич Равочкин ^{d, e}

^a Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

^b Красноярский государственный медицинский университет имени профессора В.Ф. Войно-Ясенецкого, Российская Федерация

^c Красноярский государственный аграрный университет, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: alexkovaleff@yandex.ru (А.С. Ковалев),
NNovoseltsev@sfu-kras.ru (Н.П. Новосельцев), siridar@mail.ru (Д.В. Рахинский),
nickravochkin@mail.ru (Н.Н. Равочкин)

^d Кузбасский государственный технический университет имени Т.Ф. Горбачева,
Российская Федерация

^e Кузбасская государственная сельскохозяйственная академия, Российская Федерация

Аннотация. В Российской империи с 1764 по 1864 гг. существовали инвалидные команды, куда входили военнослужащие, утратившие способность к воинской службе, но способные выполнять функции поддержания общественного порядка в провинциальных городах. Обеспечение инвалидных команд возлагалось на местное население. В статье при помощи методов микроисторического анализа документов Государственного архива Красноярского края, впервые вводимых в научный оборот, рассматриваются вопросы размещения и обеспечения жильем служащих инвалидной команды в г. Красноярске в первой трети XIX века. Представлены основные правила расквартирования холостых и семейных военных инвалидов из числа нижних чинов и унтер-офицеров. Также анализируются особенности выполнения квартирной повинности городскими обывателями Красноярска, а также порядок отказа от нее. Дана характеристика социального положения горожан, привлеченных к повинности и освобожденных от ее выполнения. Изучены проблемы взаимоотношения местного населения и представителей инвалидной команды, размещенных в квартирах горожан. Рассматриваются конкретные примеры как многократного предоставления красноярцами квартир для членов инвалидной команды, так и конфликтных ситуаций, которые разрешались с разным результатом для их участников. На основании этого сделан вывод об эффективности организации общественного призрения инвалидов войны с привлечением рядовых граждан к обеспечению их жильем в провинциальном городе.

Ключевые слова: военные инвалиды, инвалидная команда, квартирная (постоянная) повинность, мещане, общественное призрение.